

Владимир Печенкин
«Мустанг» против
«Коломбины», или
Провинциальная мафия

Леонид Словин
Зеленое море, красная
рыба, черная икра

Леонид Семёнович Словин
Зеленое море, красная
рыба, черная икра

OCR: Олег-FIXX (fixx10x@yandex.ru)
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=162120
Журнал «Урал», №1; Екатеринбург; 1992

Содержание

1	11
2	48
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Леонид Словин

Зеленое море, красная рыба, черная икра

То обстоятельство, что он служил в полиции, не играло особой роли. Многие в молодости плутают по пути к назначенной им судьбе, но время и случай обычно выводят их на верную дорогу.

Марис Пьюзо. Крестный отец

– Прошу сюда! Мимо моего заведения вам никак не пройти...

Центр кривой неряшливой площади занимал белый глинобитный домик, раскрашенный цветами и самодельной вывеской – «Парикмахерская Гаренина». Выше, в торце дома, поблекшей от времени краской было выведено крупно: «Смертный приговор убийце-браконьеру Умару Кулиеву...»

– Прошу ко мне, товарищ водный прокурор! – У дверей, сложа на груди руки, стоял пожилой человек в белом халате, седой и величественный. – Не удивляйтесь, у нас маленький город, все новые люди на виду. Гарегин Сагамонович Мкртчян, – представился он. – Последний оплот капитализма в этом городе...

Он замолчал. Пелена загадочности окружала его, как профессиональный пеньюар.

– А почему капитализма? – любопытствовал я.

– Потому что я единственный на всем восточном побережье кустарь. Я – капиталист. Вот держу эту парикмахерскую и борюсь с фининспектором. Он считает, что я оскорбляю своей парикмахерской общественное бытие... – Мкртчян широко указал вокруг.

Кривая грязная улочка спускалась в сторону порта. С нее начинался Нахалстрой – жилые кварталы из списанных, значащихся сгоревшими, сгнившими, затопленными пиломатериалов, кирпича, ржавых труб, ящиков и употребленного будто бы в производство битума и цемента; жалкие строения, порожденные стремлением выжить в условиях суровой, почти континентальной зимы и испепеляющего, засушливого лета.

Последние дневные лучи падали на крыши домов. Было тепло и сухо. Замкнувшая город цепь не особо высоких гор выглядела земистой, в щербинках, как скорлупа грецкого ореха.

Мы простились.

– Заходите, – Мкртчян прижал руки к груди. – Здесь вам всегда будут рады. – В нем было замкнутое величие, таинственное подмигивание, горловой рокот.

– Спасибо.

Рубеж Нахалстроя обозначался двумя выдавшими лучшие времена красными кирпичными домами, как башенными воротами в средневековом городе. В этих домах, на гра-

нице стихийного самстроая с запланированной и санкционированной застройкой, разместили роддом и приют для престарелых. Довольно странная идея – их поставили так, будто человек, родившись, должен был пройти через жизнь в Нахалстрое, чтобы вернуться по другой стороне улицы в приют для одиноких, потерявших надежды стариков.

За стенами саманных домов слышались звуки телевизоров.

...День большого футбола... – вырвался рядом со мной из окна ликующий голос комментатора.

Чужая жизнь...

– Поговори ты с патроном! – всего несколько дней назад наперебой советовали мне коллеги на том берегу. – Скажи: погорячился! С кем не бывает... Зачем тебе уезжать?!

А днями позже я стоял в багажном отделении и следил за оформлением своих вещей...

Суровая старуха поглядывала на чемоданы и на электронное табло, где юркие цифры сообщали о состоянии температуры воздуха и воды, о волнении и скорости ветра. Табло вызывало в ветеране багажной службы порта явное беспокойство. Я же с тревогой следил за ней. Случайность все еще могла изменить мою жизнь – одолев судьбу стихийным проявлением осознанной необходимости. Ткань нашего непрочного сервиса в любую секунду могла порваться – мне могли вернуть багаж по причине его негабарита, ветхости упаковки, неразборчивости адреса получателя и еще по десят-

ку причин. Сработай это – и мне пришлось бы еще на ночь остаться дома, и – кто знает? – хватило ли бы нам с женой сил на новую in гречу и новое прощание после того, как их едва хватило накануне. И утром – такое вовсе не исключено – мы с женой могли бы вместе прийти к патрону, и по моему обескураженному лицу и счастливым глазам жены он бы все понял, разглядел бы выброшенное мною белое полотенце, которое невидимо маячило бы в моем углу в течение нашего разговора. Скорее шею, он принял бы мое раскаяние, снова оставил бы меня в отделе, а может, стал бы даже в моих глазах и глазах *mi hi* ч коллег кем-то ироде ангела-хранителя нашей семьи, глава которой чуть было не взбунтовался.

Однако сервис, который мы все дружно ругаем, на этот раз выдержал. Я инее деньги, получил накладную, и вот мои чемоданы с выведенными па них мелом номерами медленно поползли по транспортеру вниз, в трюм.

С прошлым было покончено. Именно после этого все знакомые и сослуживцы, встречая меня, принимались говорить о том, что я получил синекуру...

Особенность моей синекуры состояла в том, что руководимая мной прокуратура существовала только на бумаге. Принимать дела было не у кого. И как следствие – отсутствовали и реальные дела в производстве моего бумажного подразделения.

И все же! Напористый поток входящих и исходящих, секретных, для служебного пользования и совершенно секрет-

ных бумаг уже вовсю бушевал рядом со стальной створкой моего неподъемного сейфа, попавшего в красноводские пески не иначе как во время интервенции Антанты. Областная прокуратура, обслуживавшая до этого водный бассейн, переслала мне с сейфом и весь запас бумажного мусора, имевшего отношение к воде, – старые наблюдательные дела, переписку, жалобы...

Я свернул в улочку, показавшуюся мне шире других. У перекрестка над полуподвалом виднелась надпись: «Пельменная» – и окна, уходившие под тротуар. По другую сторону, в окне «Кулинарии», сохли бутерброды с сыром и был сиротский белесый кофе.

Я купил пару бутербродов и взял стакан кофе.

Когда я вновь поднимался узкой улицей вверх к каменным вехам Начала и Конца человеческого существования, между роддомом и домом для престарелых, было совсем темно.

Неожиданно я услышал позади быстрые шаги.

Красивая пухлогрудая женщина-подросток с короткими полными ногами, с черной повязкой на рукаве едва не налетела на меня. Я остановился.

Несколько секунд мы молча разглядывали друг друга. Я определенно уже видел ее, она стояла и разговаривала с мужчиной недалеко от «Парикмахерской Герегина».

Годы профессиональной работы научили меня запоминать особенно внимательно смотреть на людей, если их приходилось встречать дважды в течение короткого времени, тем более

в разных местах. Несколько раз мне пришлось убедиться в том, что меня, как выражаются милиция и уголовники, пасут. Действовал ли это кто-то по собственной инициативе или по распоряжению каких-то служб, не знаю, но, помню, мне всегда было тревожно, когда я делал для себя это открытие. Так, наверное, чувствовал себя Робинзон, неожиданно обнаружив в дальней части своего острова, который он считал абсолютно безлюдным и безопасным, свежий след ступни каннибала.

Женщина хотела что-то сказать, но внезапно со стороны приюта показался мужчина, с которым она стояла на площади. Он предупредительно кашлянул – женщина мгновенно исчезла.

Я стоял под фонарем, чтобы лучше его рассмотреть. Он прошел почти рядом – высокий, с красно-рыжими волосами, в зеленой рыбацкой робе. Мне показалось, что он готов что-то сказать. Но сзади послышались голоса.

– Серега! Эй, Пухов!

Там перетаскивали в темноте что-то тяжелое.

– Осторожно хватай! Разобьешь! Пухов, ты где?

– Иду! – выдохнул рыжий, как-то странно взглянув на меня.

Потом я вспоминал его взгляд. Так смотрят дети в семьях, где между родителями царит мир, и детям кажется, что у взрослых нет тайн. После, когда они узнают секреты взрослых, у них уже никогда больше не бывает такого взгляда.

Пухов взглянул на меня доверчивыми чистыми глазами и вернулся назад – к людям, позвавшим его. А я направился к себе на квартиру.

На рассвете меня поднял стук в дверь. Стучали не очень громко, чтобы меня не напугать, однако достаточно настойчиво, чтобы я понял, что произошло нечто важное, требующее моего участия:

– Товарищ прокурор! У нас ЧП! Инспектора рыбнадзора убили! В районе метеостанции...

«Труп неизвестного мужчины лежит на животе, руки слегка согнуты в локтевых суставах...» – Гусейн Ниязов, мой единственный следователь, то и дело поднимал шариковую ручку, пачкавшую лист блеклыми голубыми каракулями.

– Почему труп неизвестного мужчины? Мы же знаем, кто это! – с раздражением заметил Хаджинур Орезов, оперуполномоченный – высокий красивый лезгин в кожаной куртке и мягких сапогах.

Двое рыбаков-понятых молча-равнодушно поглядывали то на милицейских, то на солнце. День шел к обеду.

– Мы же знаем: это – Серега Пухов! – не унимался Орезов.

– Эх, Орезов, учить тебя и учить... – вздохнул Бураков – неохватный в плечах и талии заместитель начальника водной милиции, русак с чистым, отмытым до первозданной свежести яйцом. – Мы-то знаем, да протокол осмотра пишется не для нас! – Его уравновешенности даже в связи с чрезвычайным происшествием не поубавилось. – Не мешай. Лучше учись...

Я нагнулся над убитым.

Одного взгляда на красно-рыжую, с насыпавшимся на нее песком, успевшую потускнеть шевелюру убитого было достаточно. Я сразу вспомнил неожиданное появление за моей спиной между роддомом и домом для престарелых.

Труп Сереги Пухова лежал теперь ничком, раскинув широко руки, будто хотел обхватить, уцепиться или обнять ушедшую из-под него навсегда земную твердь. С него уже была снята одежда – сильный, с белыми большими ногами, он казался огромной белой рыбой, подбитой точным профессиональным ударом остроги.

«В задней части головы имеются два отверстия, предположительно оставленные выстрелами из огнестрельного оружия...» – диктовала следователю молодая гибкая женщина в японской яркой двухцветной куртке, осматривавшая труп.

Судебно-медицинский эксперт Мурадова, – представилась она мне, не прекращая работы.

Мурадова прощупывала голову убитого, стремясь хотя бы приблизительно представить себе внутренние переломы и смещения в черепной коробке. Лица ее мне видно не было, его закрывали упавшие на лоб черные жесткие пряди.

Убийство произошло еще ночью, на самом берегу, чуть выше линии отлива. Окоченение, начинающееся обычно через два-три часа после наступления смерти, успело достигнуть своего полного развития, а трупные пятна при надавливании еще меняли свою окраску, хотя и в небольшой степени. По истечении суток эти темные пятна – следствие переполнения кровью сосудов в нижележащих частях тела – обычно уже не исчезали и не меняли местоположения.

Мурадова попробовала перевернуть труп, но мертвый инспектор рыбнадзора был слишком тяжел для нее, я сделал

это вместе с Хаджинуром, от которого тоже не ускользнуло движение судмедэксперта. Описав в воздухе плавную кривую, откинутая рука Пухова с деревянным стуком ударила в плотно утрамбованный мокрый песок.

– Стреляли сзади, – сказала Мурадова.

Но я и сам видел: по сравнению с весьма скромными размерами входных отверстий выходные выглядели более обширными с характерными щелевидными формами.

– И стрелявший находился не рядом, – ответил я в тон и обратил внимание на спичечный коробок, положенный кем-то на белый лист бумаги.

– Это его?

За спиной у меня хрипло засипел Бураков:

– Нет! Надо записать: «В кулаке убитого зажат коробок спичек, на этикетке которого изображен Евтушенко в роли Циолковского...»

– А ты откуда знаешь, что это Евтушенко? – перепирался Хаджинур Орезов.

– Пусть напишут, тебе говорят, темнота...

У Буракова был неестественно хрипящий голос – как у говорящих попугаев.

Я заметил, что ветер усилился, прибой с грохотом тряс берег, казалось, что не коричнево-желтая пена вздымается над волнами, а лежат куски оторванной тверди.

По другую сторону – в проблесках солнца – тускло мерцали ртутные зеркала соляных озер. Марсианский пейзаж.

Инобытие. Нельзя поверить, что где-то растут березы, еще лежат на полях снега, текут с тихим журчанием прозрачные ручьи, живут в суете и гомоне города.

От сизо-серых барачков метеостанции подошел милиционер:

– Звонил начальник милиции. С поста ГАИ. Насчет Мазута ничего пока не слышно.

– Кто это – Мазут? – спросил я у Буракова.

– Касумов... Первый браконьер этих мест. Он отсюда – с метеостанции.

– Начальник милиции давно уехал? – уточнил я.

– С час назад. С ним еще начальник областного управления и прокурор. Они хотели перехватить Мазута перед городом...

Все стало на свои места.

Я прибыл на место происхождения после того, как до меня тут уже побывало руководство территориальной милиции и прокуратуры. Впопыхах все как-то забыли о существовании недавно организованной бассейновой прокуратуры и ее главы.

– А что стреляные гильзы? Обнаружили? – спросил я.

Бураков поднял розовое, чистое, словно только что из парилки, лицо:

– Да вот! Тут лежали. Одна и другая...

Гильзы нашел моторист метеостанции Рифат, привлеченный и качестве понятого. Стреляли из «макаровского», со

сравнительно небольшого расстояния – с десяти метров, с самой кромки линии прилива. Следы стрелявшего смыло море.

Неподалеку виднелись отпечатки велосипедных колес. Принадлежали ли они транспортному средству преступника, а может, велосипедист проехал раньше или, наоборот, позднее?

– И еще – вот что я нашел. – Хаджинур Орезов показал мне стальной рыболовный крючок. – Это от калады... – Видя, что я не до конца его понимаю, он пояснил: – Огромная сеть – шестьсот – семьсот метров. До километра. И на ней две-три тысячи крючков, целый частокол. Браконьеры ставят ее на осетровых далеко в море и каждый день выходят проверять...

Я подержал крючок и вернул Орезову. Вставал вопрос: как попал сюда Пухов? Кого-то выслеживал? Появился в момент Причаливания браконьерской лодки? И вместо доказательств хищнического лова получил две пули в голову? Но почему в затылок? Может, его внимание было отдано чему-то другому?

Обо всем следовало поговорить с обитателями метеостанции. Что же касается осмотра трупа, то я мог и дальше смело положиться на Мурадову – передо мной был молодой, но знающий судмедэксперт, и, хотя я не видел ее лица, я понял, что мне будет приятно и легко с ней работать.

– Это жена Мазута... – шепнул Бураков.

Женщина, наглухо замотанная платком – только быстрые глаза были видны сквозь щель, – тянула за телогрейку громадного лысого казаха: «Спать, спать, спать тебе надо...»

Казах, как похмельный памятник, возвышался на площадке перед радиостанцией, предостерегающе-задумчиво покачивал Передо мной пальцами, невнятно, вяло бурчал:

– Зачем ты приходил? Сюда... Ты – кто? Ты – чужой! Не надо... Не надо...

Рядом стоял мальчишка, почему-то босой. На шее у него висел маленький магнитофончик – «вокмен», соединенный оранжевым проводком с хомутом наушников, из которых еле слышно доносилось: «...не рокот космодрома, не эта голубая синева...» От холода ноги у парня были сизыми, он поочередно поднимал озябшие ступни и каким-то йоговским движением складывал на колени и подсовывал буряковые пальцы под подол длин-поп фуфайки.

– Подойдите ко мне, – сказал я женщине. Она неуверенно шагнула вперед. Казах угрожающе накренился. Мальчишка вышел из позы цапли, несуетливо, но быстро подпер плечом сооружение в телогрейке.

– Вы здесь работаете? – спросил я.

– Да, уборщица, – донеслось из-за тряпичного забрала.

– А это кто?

– Живем мы рядом... Адыл... Он человек хороший...

– А чего же он пьяный с утра?

– Жалко ему очень... его... того... Сережу... – И ее черные влажные глаза исчезли в амбразуре темного платка.

Пьяный напрягся и медленно проговорил:

– Не говори... Ничего ты ему не говори...

Хаджинур Орезов рядом со мной выкрикнул:

– Жалко! Конечно, жалко! Жалела кошка соловья! Браконьеры, сволочи! Вам всегда жалко мертвого рыбинспектора!..

Одним прыжком он оказался рядом с нами и провел сжатым кулаком перед носом Адыла:

– Вы за Сережку Пухова все здесь кровью харкать будете!

– И правильно!.. – Подошедший, коренастый, средних лет крепыш в брезентовой робе, по которой я уже научился отличать рыбнадзор, оглядел всех и первым делом обратился ко мне: – Цаххан Алиев. Начальник районной рыбинспекции.

Я пожал ему руку.

– Вторая смерть у нас меньше чем за два года... – У него было скуластое лицо, побитое кое-где оспой, маленькие, прижатые к голове уши.

Он порывался идти.

– Вы далеко? – спросил я.

– Надо моторы снять. Я как был – бросил все на причале...

– Жалко Сережу, – вставил Бураков.

Алиев кивнул.

– Такая наша работа. Меня самого чуть не сожгли вместе с

рыбинспекцией. – Он посмотрел на меня. В глазах читалось застывшее, словно уже до конца жизни, изумление, которое теперь ничем не удастся прогнать. – Увидели, что «жигуль» мой стоит, ну, и думали, что я дежурю. А был другой инспектор. Молодой парень, «афганец». Он и погиб за меня...

О нападении на рыбинспекцию и о поджоге я слышал. Его вела территориальная прокуратура, наша – бассейновая, – была еще только в проекте.

– Дело Умара Кулиева? К расстрелу его и приговорили – народ настоял...

Мальчишка в это время снова подоткнул под себя ногу, скинул с головы наушники и тихо сказал:

– Мы-то при чем!.. И дядя Адыл никогда не попадался...

– Ты-то помолчи, браконьерский помет... – Алиев вспылil. – Твоего отца я сам трижды ловил... А эту пьяную образину – Адыла – Сережка Пухов, царствие небесное, жалел, вот он и не попадался... Отплатили вы ему полной мерой... Где Мазут? Касумов?

– Не знаю... Нет его!

Неожиданно из проема глухого платка раздался неуверенный голос:

– Сережу все уважали... Ни у кого рука бы не поднялась...

– Эт-то точно! – сердито рубанул Алиев. – У вас здесь рука не поднялась! Из Палестины террористов пригласили! Или Умар Кулиев сбежал из камеры смертников и снова отличился?.. Ну-ка, открой мне его «козлятник»...

Я обратил внимание на несколько отстоящих друг от друга то ли сараев, то ли складских помещений, окруженных сплошным частоколом.

– Цаххан Магомедович...

– Что? Ключа нет? – Алиев вконец разъярил себя. – Нет?

– Да разве он оставит ключ жене! Вы же знаете... Ну! Никогда он ключа не оставит!

С берега к нам шла доктор Мурадова – ее японская куртка выделялась на унылом желто-сером фоне окружающего нас мира ярко-красочным пятном. Даже издали было видно, какая она еще молодая и гибкая. Она была здесь неуместна. Как и мальчишка в наушниках. Здесь был старый мир, дряхлая, умирающая, недостоверная жизнь.

– Держи... – Мурадова сунула в руки Алиеву чемоданчик. – Я уже себе руки отмотала... Вы познакомились?

– Да так, – мотнул он головой. – В процессе общения...

– Цаххан Алиев. Гроза и ужас всех местных браконьеров... Вы первый раз тут? – спросила она у меня. – Историческое место... Люди специально приезжают посмотреть.

Метеостанция располагалась в трех домах. Грузные, осевшие по пояс в песок, иссеченные зимними дождями, искромсанные ветром, оплавленные нещадным солнцем каменные бараки.

На одном – остатки выведенного густой масляной краской призыва: «...февраля 1966... выборы в Верховный Совет СССР – все на выборы!» Выше – выложенное на фрон-

тоне кирпичами слово «банк».

– А почему «банк»? – спросил я.

– Так здесь и был банк. – Мурадова улыбнулась.

– В пустыне?

– Здесь был город, – поучительно произнес начальник рыбинспекции. – Вот это все был город...

Я огляделся и только теперь заметил, что все эти ямы, рытвины, груды камней, щели, завалы каменного боя – это не хаотические оспины пустыни, это разваленные фундаменты, рассыпавшиеся основания домов, исчезнувших навсегда строений. Что это не камни, а кирпичи. Помпея.

Полузанесенный трактор «Беларусь», Из глины торчат черно-серые доски развалившихся лодок. С визгом раскачивается на ржавых петлях дверь, какие-то дыры в стенах.

Мне досталась очень дремучая, старая, распадающаяся, по-видимому, никому, кроме меня, не нужная синекура...

– Какой же Везувий бушевал здесь?

– Город бросили уже давно, – сказала Мурадова. – Как закрыли химкомбинат. А когда стали перекрывать Кара-Бугаз, так кто-то придумал сэкономить средства... Ну, чтобы бут и камень не возить издалека – снесли город и вывезли на перемычку...

Перевозку из морга вызвать не удалось – у единственной на весь Восточнокаспийск лодки Харона заклинило двигатель. Я велел везти Пухова в город на милицейском «газоне».

Начальник рыбинспекции и Срезов осторожно укладыва-

ли окоченевшее тело в задний зарешеченный отсек машины, где обычно с патрульным нарядом ездит служебная собака. Ноги не пролезали в дверцу, и Хаджинур Срезов заорал на шофера, пытавшегося силой затолкать их в узкий проем:

– Угомонись, дубина! Это наш товарищ, а не дрова!..

Шофер смущенно пожал плечами:

– Я ведь как лучше... А он все равно ничего уже не чувствует...

– Много ты знаешь про это, чувствует он или не чувствует, – зло бросил через плечо лезгин.

Цаххан Алиев бережно взял сизую, распухшую ступню Пухова и осторожно засунул его ногу в машину, захлопнул дверцу с затворным стуком.

Невесть откуда взявшийся малюсенький человечек, смуглый до черноты, с грустными толстыми усами, просительно сказал:

– Пусть я с Сережкой поеду... Я – маленький, места не занимаю, а ему одному в ящике не страшно будет... Все-таки не один он там...

На лице его плавала странная гримаса – не то печально улыбался, не то беспечно плакал. Он действительно был маленький – меньше мальчишки, поджимавшего под себя озябшую ногу. И возраст его определить было невозможно – может, тридцать, может – шестьдесят.

Хаджинур отодвинул его рукой от машины:

– Отойди, Бокасса, не путайся под ногами! Сказали ведь тебе, умер Сережа, не страшно ему больше... И один он те-

перь навсегда...

Карлик со своей страдальчески-веселой улыбкой тихо нудил:

– Не говори так, Хаджинур, дорогой... Сережка любил меня, друзья мы...

– Отстань, не до тебя!

С «газиком» я послал и Гусейна Ниязова. Гусейн меньше всего был похож на самоуверенного следователя, каким его не устают изображать средства массовой информации. Тихий, незаметный сутулый человек, отец пятерых детей, находящийся в том возрасте, в каком иные молодые люди только еще задумываются, стоит ли им обзаводиться семьей, Гусейн спешил: его младшая девочка была записана на консультацию к профессору, прибывшему специально с того берега.

Остальным предстояло уехать в «рафике», его шофер уже несколько минут кружил рядом со мной, повторяя:

– Если разойдется песчаный буран – до города не дотянем...

– Зовите Буракова, и тронемся в путь... – приказал я.

– Он сейчас подойдет, – сказал Хаджинур. – Только выдаст повестки...

– А кто такой этот Бокасса? – спросил я его.

– Блаженный. Тихий услужливый придурок... Фируддин... Люди подкармливают помаленьку, а он по всему побережью кочует...

Пришел Бураков, помахивая папкой с документами. Тол-

стый корпусной человек, он шумно-тяжело пыхтел на ходу.

Я пропустил его первым в «рафик». Бураков влезал, сопя и кряхтя.

– Эх, елки-палки, грехи наши в рай не пускают, – сказал он, отдуваясь.

Коренастый начальник рыбинспекции засмеялся:

– Была б моя воля, я бы из милиции всех пузанов вышиб...

– Больно шустрый ты... Да бодливой корове бог рог не дает...

– Это жалко – что не дает! Если мент толстый, значит, много спит. Толку, значит, от него на грош...

– Ты, Алиев, человек дерзкий. Кабы книги читал, знал бы, что грош в средние века был большой серебряной монетой, пока его всякие шустрики и фармазонщики не изворовали весь. А много бегать – это по твоей работе положено. У нас думать надо...

– Оно и видать, – сердито хмыкнул Алиев.

Я пропустил их вперед и посадил в микроавтобус докторшу. Через рукав куртки чувствовалось, какая у нее тонкая рука. Она обернулась, кивнула:

– Спасибо. Я уже отвыкла от мужской галантности... У нас тут нравы простые.

За мной легко, по-кошачьему мягко прыгнул в машину Хаджинур Орезов.

Закашлял, не схватывая, мотор. Стартер выл от изнуре-

ния, пока двигатель не чихнул, прогремели серией взрывы в цилиндрах, заревел, заорал мотор, трудно, натужно автобусик пополз из песка.

Над морем висело воспаленное краснотой бельмо солнца. Посеребренная желтизна холмов. Металлический блеск далеких солончаков.

По плотной глиняной колее машина пошла веселее, сноровисто ныряя среди барханов. Навстречу проехал верхом на лошади казах в чапане и лисьем малахае. И снова полное безлюдье.

Бураков и Алиев продолжали негромко препираться, а я пересел на заднее сиденье к Мурадовой.

– Как вас зовут?

– Анна, – ответила она, коротко взглянув на меня. Только сейчас я рассмотрел, что у нее ярко-синие глаза. А мне почему-то казалось, что они у нее совсем темные.

– Благодать...

– Что? – удивилась она, и глаза ее сразу потемнели.

– Анна по-арамейски значит «благодать». Благословение...

Она усмехнулась, и чернота оттекла из зрачков, синева стала прозрачной до голубизны.

– Это я для матери была «благодать» – она у меня русская. А для отца я «святой день – четверг». У них Анна значит «четверг»...

– Будем считать, что вы – благословение, данное в четверг.

Кстати, сегодня четверг. Вы учились в Ашхабаде? – Мотор ревел, мы едва слышали друг друга.

– Нет, я окончила первый мед в Москве...

– Чего так далеко уехали и вернулись?

Она улыбнулась одними глазами:

– Да были разные события и обстоятельства...

– Вы, как я понимаю, местная?

Анна кивнула:

– Да. Могу смело писать в анкете: родилась и умерла здесь...

– Ой-ой-ой! Что это вы так трагически-патетически?

– А-а! – махнула она рукой. – Как сейчас принято говорить, я женщина с неустроенной личной жизнью. А женщина, которая до тридцати одного года не успела это сделать, не живет, а зарабатывает себе пенсию...

Но говорила она это все, смеясь глазами, и нельзя было понять – жалуется она или заводит меня, смеется над собой или грустит.

– Вы здесь с родителями?

– Нет, – покачала Анна головой. – Тут у меня дядя – в совхозе. А я – одна. Мама умерла, отец уехал в Небит-Даг работать...

Мы снова забуксовали.

В этом месте сшиблись грудь в грудь две стихии – соленое море и прогорклая пустыня, йак жерновами растерли жизнь между собой. Разбрасывая с завыванием из-под колес мок-

рый песок, «газон» тянул в сторону еле различимой дороги.

Пустыня завораживала, парализовала. Как бездонный омут, она втягивала в себя, грозила бесследно растворить в своей рыжей пустоте.

Всевышний создатель сих мест, приступая к творению, страдал в этот момент или приступом дальтонизма, или острым дефицитом красок. Наверное, как всегда, подвели снабженцы, и он, гоня план к концу квартала, соорудил этот мир из одних желтых и серых цветов всех оттенков – от серебристо-седого неба до охряной пены. И припорошил пепельным налетом соли.

– Вы, наверное, всех хорошо знаете? – мотнул я головой на наших спутников.

– Да. Во всяком случае, много лет. – Она помолчала мгновение и быстро подняла на меня взгляд – глаза у нее теперь были почти черные. – Вы хотите что-то узнать о них от меня?

Я даже не удивился, почему-то я уже принимал за данность, что она может угадывать мои мысли.

– Хотел бы... Конечно, хотел бы...

– Но вы и меня не знаете, – неуверенно сказала Анна.

– Нет, вас я знаю. Я вас чувствую...

– Тогда вы должны чувствовать, что если я что-то скажу про них, то только хорошее. Они все мои старые знакомые...

– А Сергей Пухов был тоже вашим старым знакомым? – спросил я мягко.

– Конечно... Хотя мы общались мало... Все свободное

время Пухов проводил со своими детьми... Он был замечательный отец...

Мотор машины ревел, тяжело гудели и били на ухабах баллоны, салон автобуса был заполнен разрозненным шумом и грохотом, я говорил почти над ухом Анны – не боялся, что нас услышат.

– За несколько часов до своей гибели Пухов хотел со мной встретиться...

– С вами? – Она смотрела широко раскрытыми, как у ребенка, глазами.

– С ним была женщина. Молодая женщина. Совсем молоденькая. С черной повязкой...

– Это могла быть жена или подруга погибшего рыбака. Их тут много. И все в черном. Но почему вы не посоветуетесь со своими подчиненными? Вы им не верите?

– Я обязан им верить, – пожал я плечами. – Мне вместе с ними работать. Но дело в том... Даже не знаю, как сказать... По меньшей мере один из них – предатель...

– Почему вы так решили?

– Пухов не открыл свою тайну водной милиции, а решил открыть ее мне – человеку новому. Значит, он не доверял им.

«Рафик» в это время перевалил через плоский бархан и выкатил на шоссе, как будто облегченно вздохнул, повернул направо и покатил на юг. Мелькнул и исчез за песками взрытый малахит моря. Народ в автобусе был теперь полностью предоставлен себе.

Бураков, откинувшись на спинку, уютно свистел носом. Хад-жинур, не обращая внимания на тряску, читал протоколы из черной папки Буракова.

– Подождите. Но почему вы говорите об этом мне? – спросила Мурадова.

– Я никого здесь не знаю. Кроме вас...

Неуловимо-легко провела она ладонью по рукаву моего плаща:

– Вы и меня совсем не знаете...

Брови у нее взлетели вверх, дрогнули ресницы.

– Я же сказал: я вас чувствую. И кроме того, вы не служите в водной милиции...

– Эх, говорил я Сереже – поостерегись! – Побитое оспой лицо начальника рыбинспекции искривилось тоскливой гримасой. – Очень смелым был...

– А теперь стал очень мертвым, – не открывая глаза, тихо добавил Бураков.

Дорога подрагивала, дымилась, казалось, что мы мчим не по твердому свинцово-сизому асфальту, а с рокотом летим по реке, стремительно втекающей под колеса.

Прокуратура занимала второй этаж длинного жилого дома с балюстрадой, затянутой сухими безлистными лозами дикого винограда. Внизу, под нами, помещалась водная милиция.

Все прибывшие ненадолго заполнили мой кабинет. Гово-

рили разом:

– Братъ надо Мазута... Братъ! И как можно скорее, пока не ушел!..

– Где Агаев? – улучив минуту, спросил я.

Бураков обернулся, толстый его живот остался недвижим.

– Начальник сейчас будет...

– Надо проверить, задерживал ли Пухов Мазута в последнее время... – Начальник рыбнадзора Цаххан Алиев прошел от окна к двери. – Может, он составил на него протокол, но не успел сдать...

Одна и та же версия – «убийцей рыбинспектора может быть только браконьер». И единственный мотив убийства – «мечь на почве воспрепятствования преступной деятельности». Так при нападении на инкассатора всегда исходят из желания завладеть его инкассаторской сумкой.

Хаджинур, как мне показалось, сделал попытку вырваться из чертова круга «рыбинспектор – браконьер»:

– А если еще что-то? Может, женщина?

– Да ты совсем спятил! – рявкнул Цаххан Алиев. – У Сережки – и баба! Не было у него никого...

Я внимательно слушал.

– Все равно надо все предполагать, если хотим раскрыть, – подхватил Бураков. – И что ты заладил, Алиев, «не было у негоникого»? Человек же он, в конце концов! В кино сходь, пива выпить...

Мой помощник Бала Ибрагимов – полный, неуклюжий

молодой человек в очках с супермодной оправой – покрутил головой:

– Может, стоит дать обращение в газету... – Огромные, как витражи, очки предоставили каждому возможность отразиться в затемненных стеклах. – Кто-то мог видеть Пухова или его убийцу...

– И все испортим! – вмешался начальник ОБХСС – пузатый, с лысой головой, круглой, как бильярдный шар. – Убийца поймет, что ничего у нас против него нет!

– А что он, дурак? Не понимает этого? – набросился на него Орезов. – Так, что ли?

– Сейчас нужно любой ценой отловить Мазута. – На пороге появился начальник милиции Агаев, белотелый, сильный, с традиционными усиками и непроходящими бисеринками пота на лице.

Подчиненные его, как один, поднялись.

– ...Меньше по кабинетам надо сидеть, – сказал Агаев. – Больше бегать. Поймаем Мазута – вытрясем многое. Это ведь тебе не ворованная осетрина – убили рыбинспектора...

Через минуту мы остались вдвоем.

– Мазут этот, Касумов, заговорит обязательно, его надо только найти. Где-то он здесь должен обретаться... – Агаев взглянул на меня с высоты своего почти двухметрового роста. – У него и паспорта нет, он судимый. Его надо тут поймать. Поймаем – выйдем на убийц.

В отличие от своих подчиненных, Агаев не собирался пе-

реступать рамки официальных отношений. Дело было не во мне. Такие, как он, постоянно находятся в состоянии острого соперничества со всеми. Самое забавное – что мы с Эдиком Агае-вым учились в одной и той же четырнадцатой спецшколе, в параллельных классах, и встречались почти ежедневно. Но как это часто бывает, граница классов была и границей дружбы – мы не общались и, как мне помнится, за все время ни разу не разговаривали.

Был он из ребят, которые ходили большими компаниями – десять – двенадцать молчаливых амбалов, при виде которых школьникам помельче, очкарикам, сразу становилось не по себе. Я подозревал, что они отбирают у младших жвачку, мелочь; за небольшую мзду в виде пачки сигарет могут выступать и как наемная боевая единица, помогающая сводить личные счета. Сейчас об этом было странно думать.

– Где он может быть? – спросил я.

– Бог его знает. У любого из этих... – Он бросил мне на стол тетрадку – «Список браконьеров, доставлявших в Восточнокаспийскую рыбную инспекцию».

Я полистал длиннющий реестр.

– «Алимурадов, Бердыев, Бобров, Гельдыев...» – фамилии шли не по хронологии допущенных ими нарушений, а по алфавиту.

От графы «Касумов-Мазут» шла вниз долгая «лестница» браконьерских подвигов.

– А почему «Мазут»? – спросил я.

– Браконьерский жаргон. «Мазут» – значит «икра»... Мы уже выписали повестки им всем... Я с утра этим занимаюсь. – Он взял тетрадку. – А на метеостанции мы оставили сотрудника. На всякий случай.

– Удалось установить, с кем Пухов был вечером?

– Да. Они из этого дома. Джалиловы. Бала допросил. Их все знают. Муж, жена, два брата мужа, сноха и бабушка. Они вечером, после работы, переносили вещи на новую квартиру. Пухов им помогал... – Агаев взглянул на часы. – Надо идти, там у меня люди...

Высоченный, рыжий – он напоминал снятую с петель большую дверь, уж гораздо большую, чем та, что вела в мой кабинет, поэтому, выходя, Эдик Агаев слегка пригнул голову, чтобы не задеть притолоку.

Я вышел вслед за ним. В приемной, напоминавшей объемом небольшой платяной шкаф, уже толпился мой огромный штат в лице всего того же помощника – страдающего полнотой и одышкой юного Балы Ибрагимова и моей сильно беременной секретарши – гладкой, огромной, как дельфин, Гезели.

– Пухов долго еще находился у Джалиловых? – спросил я у Балы.

– Не очень. Поужинали, распили бутылку. Пухов ушел около двенадцати.

– Он говорил, куда идет?

– Нет. Никому ничего не сказал.

– Он был с ними с самого начала?

– Нет, они встретили его в Нахаловке, часов в девять, когда делали последнюю ходку. Он помог им нести посуду – тарелки, пиалушки...

«Похоже, так и было», – подумал я, вспомнив донесшийся до меня голос: «Осторожно хватай! Разобьешь!..»

– С женой Пухова ты тоже говорил?

– Да. Она воспитывает детей и не знает о делах своего мужа. Не знала и знать не хотела. У них у каждого была своя жизнь... – Бала хотел говорить точно и резко, как милицеские оперативники, но ему мешала природная застенчивость да еще очки – затемненные, неохватные, готовые в любую секунду слететь и разбиться. Громоздкая фигура добряка и толстые губы дополняли портрет.

– Жена Пухова не говорила – в их семейной жизни не было проблем?

– Как? – Бала не понял.

– Может, ревность, месть...

– Нет, нет... – Он отверг самую мысль об этом.

Был уже вечер, но хозяин «Парикмахерской Гарегина» стоял у дверей своего заведения в той же позе, исполненной величия и трагизма, что и накануне.

– Так проходит слава мира... – грустно сказал он, глядя куда-то вверх моей головы.

Я хотел обернуться, но парикмахер неверно истолковал мое движение, взял меня под руку со словами:

– Отбросьте свои сомнения, тем более что у вас нет на них времени. Вы же наверняка еще не представлялись в обкоме! – Осведомленность капиталиста-парикмахера была исчерпывающей. – Вы приехали позавчера. Секретаря обкома не было. Сегодня вам наверняка было не до этого. Неизвестно, сможете ли вы завтра выкроить хоть минуту для себя... Все другое время у вас займут допросы. Надо же искать убийцу! А ищут обычно или поздно вечером, или ночью, или на рассвете...

– Пожалуй...

Я провел рукой по лицу. Мелкая колючая щетина покрывала подбородок.

Мы зашли в его белую мазанку, очень аккуратный домик, разделенный белой медицинской ширмой на два помещения. Передняя оказалась залом ожидания, включавшим столик с неизбежным потрепанным комплектом прошлогодних «Огоньков» и двумя стульями. За ширмой был парикмахерский рай. Гарегин усадил меня в кресло, обвязал хрустящей чистой белой салфеткой, намылил лицо горячей душистой пеной и начал колдовать, ни на минуту не прекращая разговор.

– У каждого свое призвание. Я не стригу, я рисую на голове... Один рождается солдатом, другой – художником... – витийствовал Мкртчян. Других клиентов, желавших последовать моему примеру, не было, и он не спешил сократить время, отведенное на саморекламу. – Вообще, в нашей стра-

не умели делать настоящую прическу два человека: один уже умер, второй – мой учитель, он на пенсии. Я – третий. Я филирую, шлифую, разделяваю, просто точу красоту... Волос на голове должен лежать натуральной волной.

За окном парикмахерской показался черно-желтый похоронный автобус «пазик».

Я вспомнил о Пухове. Завтра в таком же автобусе убитый инспектор рыбнадзора отправится в свою последнюю дорогу. Где она кончается, никто не знает.

Много лет назад, когда моя жена была еще студенткой и училась на факультете психологии, ей предложили тему курсовой, которая ей и мне тоже – тогда студенту юрфака – пришлась по душе. Она называлась – вот и говори после этого о свободной воле и случайности выбора – «Поведение браконьера в конфликтной ситуации». Никогда до того я не интересовался вопросами рыбоохраны и после многие годы, вплоть до моего назначения в Восточнокаспийск, не предполагал вернуться к ним.

Вместе с еще одной молодой парой – студентами биофака – мы получили в свое распоряжение весельную лодку «кулаз» и возможность курсировать вдоль берега.

Прекрасное было время! Мы внимательно выслушивали рыбинспекторов и задержанных ими нарушителей лова, заполняли карточки, вычерчивали диаграммы.

Конфликтная ситуация, как нам представлялось, ограничивалась поигрыванием мускулами в зависимости от силы

обеих сторон – наличия оружия, количественного соотношения браконьеров и инспекторов, качества и числа имеющихся у них плавательных средств.

Мы не предполагали, что можно, подойдя почти вплотную, расстрелять инспектора рыбнадзора, как это произошло с Пуховым, или, проникнув в инспекцию, плеснуть бензин на живот спящему, выйти и выстрелить из ракетницы, как это проделал Умар Кулиев.

Метеостанция, где был убит Пухов, не находилась на участке его обслуживания, и было непонятно, что привело его в район бывшего банка. Что он ожидал от ночной этой поездки на берег? Где его лодка?

Я сидел в полудреме, слушая, как с легким скрежетом ползет по моим щекам бритва, и раздумывая над своими непростыми проблемами.

– А вот в рыбинспекторы я бы, например, никогда не пошел, – клубился в это время надо мной голос Согомончы. Задумавшись, я забыл, что кроме меня в парикмахерской присутствует кто-то еще, кто соединяет бесшумные успокаивающие прикосновения к лицу с такими же ласковыми неумолимыми сотрясениями воздуха над моей головой. – Это же не шутка! Перед этим тоже молодой рыбинспектор погиб – Саттар Аббасов... Сожгли прямо в рыбинспекции!

Созвучие наших мыслей имело общую причину, и я легко установил ее. Из окна парикмахерской была хорошо видна

выцветшая надпись, на которую я раньше еще обратил внимание, – «Смертный приговор убийце – браконьеру У. Кулиеву...»

Еще трижды я увидел за окном желтые похоронные автобусы. Можно было подумать, что на побережье вчера бушевала война. Правда, у людей в катафалках лица были деловые, озабоченные; никакой особой печати скорби не наблюдалось.

– У вас пассажиры предпочитают похоронные автобусы обычным или что-то случилось?

Парикмахер недоуменно посмотрел на меня, потом проследил направление моего взгляда, увидел автобус и захохотал:

– Да нет! Просто фондов не хватило на нормальные, и нам спустили пятьдесят штук, предназначенных для похоронного обслуживания. Да вы не удивляйтесь! Вообще люди в нашем городе идут как-то вспять.

– Почему?

– Не знаю, жизнь какая-то недостоверная.

Гарегин работал действительно очень быстро и ловко. Приоткрывая глаза время от времени, я видел, как постепенно моя давно не стриженная шевелюра укладывается в ровный, точно продуманный рисунок.

– Вот и все!..

Гарегин бросил мне на лицо раскаленную салфетку. Обжигающий жар объел мое лицо, но в тот же момент, прежде

чем кожа на физиономии начала плавиться, он начал прижимать ее ладонями, быстро гладить, потом сорвал раскаленное покрывало, быстро скрутил и начал со скоростью вентилятора обдувать прохладными струйками распаренную поверхность. Одно слово – тропические стихии.

– ...Неизвестно, когда придет Первый, но вы будете выглядеть в обкоме как огурчик!

Я положил на столик трояк, поблагодарил Согомоныча и твердо пресек его попытки переселить деньги обратно в мой карман.

– Иначе эта сегодняшняя наша встреча – единственная и последняя, и я немедленно отправляюсь в парикмахерскую Дома быта...

Я вошел во двор и увидел на крыльце крысу.

Большая серая крыса лениво шевелила влажно-розовым длинным хвостом. Черными бусинками глаз выжидательно смотрела на меня. Она хотела понять, пойду я на нее или отступлю. Чуть наклонив острую голову, спокойно смотрела она на меня, перебирая когтистыми голыми лапками, и я понял, что я ее боюсь. Со стыдом я подумал, что сидящий на крыльце здоровенный пес вряд ли произвел бы на меня такое сильное впечатление. А эта маленькая, кровожадная тварь внушала ужас.

Крысу можно было смести одним ударом ноги, но я боялся даже ботинком дотронуться до нее и поймал себя на том, что озираюсь в поисках камня или палки, чтобы шугануть с

дороги эту мерзость. Наверное, она не чувствовала для себя никакой опасности, потому что, налюбовавшись вдоволь своей растерянностью, не спеша соскользнула с крыльца, неторопливо юркнула в дыру под стеной. Я облегченно вздохнул, мне повезло – никто не видел позорного поединка нового прокурора с крысой.

Вопросы, вопросы...

– Где вы были позавчера вечером? Кто может это подтвердить?

– Когда последний раз видели Пухова?

– А Мазута?

Опросы начались с раннего утра. В них принимала участие и водная прокуратура – и Бала, и Гусейн Ниязов.

Хаджинур Орезов, инспекторы рыбнадзора с дежурным нарядом ездили безостановочно на милицейском «козле» и нашей «Ниве», привозя все новых людей.

Молодые и старые, одинаково черно-загорелые, с заросшими лицами, осторожно отвечали они на все вопросы, подолгу задумывались.

«Не видел», «не знаю», «не встречал»...

Я выбрал в собеседники старого Бахтияра-Сафарали-оглы Багирова, крепкого еще, высокого мужчину с маленькими острыми глазками, шесть раз привлекавшегося к уголовной ответственности за браконьерство.

Бахтияр-Сафарали-оглы оказался словоохотливым несуетливым стариканом, откровенным во всем, что не касалось

сегод^ няшнего дня браконьерского Берега.

– У нас испокон веков ловили рыбу... – попивая заваренный Гезель чай, витийствовал он. – И всем всегда ее хватало. Человек должен употреблять в пищу все, что создал аллах на земле...

– Государство запретило браконьерский промысел, приняло специальные законы...

– Мы тут все рыбаки. Какое же это преступление – ловить рыбу? Это ведь не убить, не ограбить! Своим трудом!..

Постепенно от защиты старик перешел к обвинениям:

– Ты возьми сажевый комбинат! Вот от кого рыбы не стало... И все знают, а молчат! Почему?

– Почему? – повторил я, как эхо.

– Потому что начальство сразу даст укорот! Хоть и прокурору!..

В коридоре закричали хрипло:

– Выходи! Серегу Пухова везут...

Все высыпали на балкон, на соседних появились жильцы: все словно ждали этого хриплого выкрика. Внизу хлопнула дверца – это под личным руководством Агаева в «газон» сели милиционеры с карабинами – на могиле убитого должны были прозвучать скорбные залпы.

А за забором протяжно запела труба. Процессия шла от здания рыбинспекции и приближалась к центру, здесь гроб должны были поставить в автобус. К первой трубе присоединилась вторая. Известная с детства щемящая мелодия зато-

пила двор, улицу. Я увидел, как Гезель, зажав уши, с паническим страхом бросилась назад в комнату, закрыла окно.

Старый Бахтияр-Сафарали-оглы достал носовой платок, протер глаза, нос, потом трубно высморкался, взглянул на меня.

– Тебе надо на Осушной сходить, – сказал он негромко.

– На Осушной? – У меня было странное положение человека, который настолько плохо разбирается в местных обстоятельствах, что поневоле вынужден играть сомнительную роль болвана в польском преферансе. Я должен был поворачивать голову к очередному своему собеседнику, пытаюсь уловить нить рассуждений.

– Что такое Осушной?

– Да у нас тут есть островок. Там живет Керим. Большой проказой. К нему Мазут часто наезжал раньше. Может, и сейчас там обитает...

– Вы считаете, что Мазут...

– Я тебе ничего не говорил, и больше меня не вызывай. Мне еще правнуков воспитать надо. – Он поднялся, пошел к дверям.

На пороге Бахтияр-Сафарали-оглы неожиданно белозубо усмехнулся:

– Когда человек на моем месте начинает много разговаривать со следователем, то язык у него становится длинным и извилистым, как Военно-Грузинская дорога...

У меня понемногу появилось тревожное ощущение того,

что о чем-то подобном я уже слышал. Ощущение Сицилии. Все молчали не потому, что таили свои дела. Это не была их личная скрытость и закрытость от закона.

«Омерта – общий заговор молчания! Обет немоты!»

Изо всех кабинетов и другие рыбаки потянулись к выходу.

«Браконьер – это профессия на всю жизнь...» – подумал я, глядя, как такие степенные старики, как Бахтияр-Сафари-оглы, осторожно сходят по нашей крутой лестнице во двор.

Похороны Пухова были многолюдными, люди отдавали должное благородным мотивам охранительной деятельности органа, который он представлял, и трагическим обстоятельствам его собственной гибели.

Пришли все свободные от дежурства инспектора рыбнадзора, ВОХРа; в полном составе явились члены бюро горкома и обкома.

Убийства рыбинспекторов всегда рассматривались как преступление против порядка управления, в конечном счете против власти. Как месть со стороны тех, с кем рыбнадзор ведет не прекращающуюся ни на миг тяжелую войну.

В последнюю минуту на автобусах подъехали сотрудники гор – и облисполкома, рабочие государственного заповедника, милиционеры с карабинами. И еще много другого народа. Мурадова тоже была здесь, вместе с сотрудниками бюро судебно-медицинской экспертизы. Я увидел Анну, разговаривавшую с какой-то женщиной, – мы молча, но душевно

кивнули друг другу.

Секретарь горкома – седой высокий мужчина в очках – прочитал короткую речь, потом на холмик у могилы вскочил начальник рыбинспекции – Цаххан Алиев. Плоское, с мелкими оспинками, лицо его горело:

– Пусть дрожит земля под ногами у подлых нарушителей закона, опять поднявших руку на человека! Сначала на Саттара Аббасова, теперь – на Сергея...

Алиев оказался искусным оратором. Он отказался от призыва к возмездию и посвятил свое выступление благородным задачам охраны.

– ...Только за первый квартал коллектив районной инспекции, душой которой был Сергей, изъял десятки километров красноватых сетей, калад, – этих варварских средств пиратского лова... Пятьсот сорок рыб осетровых пород на сумму свыше ста тысяч рублей... Спи спокойно, наш дорогой товарищ! – закончил он. – Дело, за которое ты отдал свою жизнь, мы доведем до конца...

Всего выступило несколько человек. Мне запомнилось короткое слово директора заповедника – широкоплечего, высокого здоровяка, опиравшегося на костыли:

– ...Сережа охранял все живое, не только рыб. Неуклюжая безобидная птица качалдак потеряла одного из самых верных своих защитников... Я как-то сказал Сереже: «По дороге, из машины, я насчитал на километр всего сто сорок птиц! Куда мы едем?..» Он только положил руку мне на плечо...

Прощай, Сережа... – В конце он расплакался.

Жена Пухова – русая, в черном плаще с черной косынкой, тихо всхлипывала – словно отплакала свое и не хотела никого обременять созерцанием ее слез. Одной рукой она терла мокрый платок, другую не отрывала от руки мальчика лет шести – чисто и скромно одетого. На лице мальчика было полное непонимание происходящего, а еще желание делать все, как хотят старшие. Из него уже сейчас рос хороший помощник, я видел это по тому, как он, в свою очередь, держал за руку маленькую сестру и следил за ней. Может, это помогло мне лучше представить самого убитого, а главное, понять его существенную черту – надежность, самый редкий и ценный дар в человеке.

Я оглянулся на своих. Следователь Гусейн Ниязов – он прибежал на кладбище прямо с парома, поручив младшую девочку жене, – стоял, ничего не видя, погруженный в себя. О чем он думал? Его отцовские и супружеские обязанности цепко держали его и на кладбище.

Милицейские сняли фуражки, стояли «вольно», в любую минуту готовые к приказу недремлющего, величественного Эдика Агаева.

Мой толстый молодой помощник Бала виновато улыбнулся мне одними губами; тяжелый, из твида, модный пиджак вздымался горбом на его животе.

По знаку секретаря горкома подполковник Агаев расставил своих карабинеров, негромко отдал команду. Сухой

треск выстрелов согнал несколько птиц с окрестных памятников. Я машинально посчитал. Директор заповедника назвал точную цифру – птиц было именно четырнадцать на сто метров.

Тут же, мгновенно, оркестр перешел на бодрый марш. Ритуал похорон был давно отлажен. Мужчины забросали могилу землей. Вдова Пухова, его дети, большинство присутствующих бросили по нескольку комьев земли. Я тоже подошел.

– Вы не поедете на поминки? – В мою сторону повернулось

добродушное русопатое лицо одышливого Буракова.

– Некогда. Надо идти работать.

– У меня тоже работы по горло. Но надо и о семье думать. – Серые глаза смотрели обидчиво. – Со всеми может случиться... Вы ее не допрашивали? – Он показал головой на вдову.

– Нет пока.

– Ей надо прийти в себя...

Я прошел по аллее, прежде чем спуститься вниз, к машине. Кладбище было совсем не похоже на места погребения того берега. Выжженный солнцем безлюдный азиатский мазар, куда приходят только во время похорон и на котором в другие дни не встретишь ни единой души.

Народ быстро расходился. Отсутствие деревьев, зной делали свое. Музыканты спешили. Им предстояло повторение печальной программы. Что-то быстро глотая на ходу, они со-

бирались у машины, разом поблекшие, в заношенных черных галстуках и пыльной обуви.

У ворот я снова увидел своих. Карабинеры возвращались в отделение. Бураков, руководители рыбинспекции, ехавшие на поминки вместе с родственниками, садились в похоронные автобусы, выполнявшие на этот раз свои прямые функции.

Верный себе, начальник милиции Агаев, за неимением равных по званию, сел в «Волгу» один.

Рядом с «Нивой» Хаджинур Орезов разговаривал с белобрысым высоким парнем в капитанской куртке. Я подошел, и Хаджинур, церемонно поклонившись, сказал:

– Товарищ прокурор, разрешите представить подведомственный морской состав. Миша Русаков – капитан водохранилищного судна «Александр Пушкин».

Я протянул руку.

– Вы мне и нужны. Завтра с утра я хотел выйти в море, посмотреть окрестности...

Русаков мазнул ладонью по белым смешным усам, подчеркивавшим его молодость.

– Завтра в восемь «Александр Пушкин» готов вас принять.

Он скромно отошел, а мы с Хаджинуром сделали еще несколько шагов к воротам.

– Много людей... – заметил я.

Мое внимание внезапно привлекла молоденькая женщина

в черном; она стояла ко мне спиной, но мне показалось: я узнал ее.

Я чуть замедлил шаг, задерживая Орезова. В этот момент женщина обернулась.

Я не ошибся. Это была она, та, которую я видел вместе с убитым Пуховым накануне его гибели.

– Много вдов... И совсем молодых. – Я незаметно показал на нее Орезову. – Не знаете, кто это?

– Ну, эта – еще только без пяти минут вдова! Муж ее пока жив... Его приговорили к расстрелу за убийство и поджог рыбинспекции!

– Это жена того браконьера, который...

– Ну да! Умара Кулиева!

Почувствовав, что за ней наблюдают, молодая женщина подняла глаза – безразличный взгляд ее безучастно скользнул по мне. Кулиева словно видела меня впервые. Еще через минуту, не оглядываясь, она уже шла к воротам.

Море было беспокойно. Спускаться на борт водоохранного судна «Александр Пушкин» пришлось по стальной лестнице, приваренной к причалу. Ветер рвал куртку. Хаджинур с Цахханом Алиевым следили с палубы,»как я разворачивался, стараясь нащупать ногой очередную перекладину.

– Похоже на полосу препятствий! – заметил я, присоединяясь к ним.

– Не помешаю? – Начальник рыбинспекции пытливо взглянул на меня. Рябоватое лицо было настороженно. – Узнал, что вы едете на Осушной, решил примкнуть...

– Странно только – я никому не называл конечного пункта...

– А у нас так. Вы еще только подумали, а на Берегу уже известно. С другой стороны: где еще искать Мазута, если не у прокаженного Керима?

Пенсионного вида старослужащий в форменных милицейских брюках, промасленной телогрейке и шапке-ушанке сбросил швартовы, начальник рыбинспекции ловко втянул их, закрепил на носу и корме. Цаххан Алиев был, в сущности, еще молодой крепкий мужик, которому не всегда удавалось сдержать свои первые и наиболее сильные эмоции.

Я поднялся на мостик к Русакову.

– Товарищ капитан дальнего плавания...

Он не дал мне договорить, поправил смешные, как у моржа, совершенно белые усы.

– Я не дальнего плавания, я малого плавания капитан. Но любой подтвердит – кто на Хазарском море не плавал, тот не моряк. У нас четыре сопли на погон зазря не получишь. – Он показал на свои узкие погончики, пересеченные сломанными золотыми полосками нашивок.

– Просто для меня всякое плавание дальше, если выходим из порта, Миша, – сказал я.

Мы двинулись по изумрудно-зеленой воде. Ветер стих. Повсюду виднелись колонии водорослей, вырванных ночным штормом. Донная трава – любимый корм глупой здешней птицы качкалдак – была разбросана по всему заливу.

С мостика мне были хорошо видны вытащенные на причал плавсредства рыбнадзора. С того времени, когда я с Леной и ее сокурсниками собирал материал о поведении браконьера и инспектора в конфликтной ситуации, обеспеченность его, в сущности, не изменилась. Та же «ракетка» на подводных крыльях – «Волна», быстрая, однако маломаневренная, с относительно небольшим углом атаки. Преследовать браконьеров на ней можно было только по прямой – на малой воде «ракетка» была и вовсе бесполезной. Водомётный катер «Тритон»... Наконец, основное плавсредство рыбнадзора – не очень надежная мотолодка «Крым» с подвесным мотором «Вихрь-30».

Покойный Пухов, должно быть, чаще всего выходил на де-

журство именно на ней – в одиночку или с другим рыбинспектором. Может, с покойным Саттаром Аббасовым, подумал я. Теперь оба покоятся на одном кладбище...

Далеко в море показался белоснежный паром, шедший в Красноводск. Мы быстро сближались. Высокий, с обрезанной напроочь кормой, с круглыми дырочками иллюминаторов по бокам, паром был похож на старый гигантский утюг, заправленный древесным углем.

– «Советская Нахичевань», – объявил Миша Русаков. Знал ли он об этом раньше и разглядел в бинокль, который время от времени подносил к глазам? – Югославской постройки...

Он мог и не объяснять. Я приехал этим паромом и все утро просидел со старшим помощником капитана, слушая историю судна.

Старпом говорил о тоннах топлива, которые сжигает «Нахичевань» за один рейс, об ее убыточности, я слушал вполуха, думая о том, что оставляю на том и что ждет меня на этом берегу.

Служебные дела и отношения с начальством напрягли и без того непрочную ткань моей семейной жизни, а ставшее привычным «качание прав» и выяснение отношений с женой после полуночи и до утра взвинтили мою нервную систему и посеяли во мне ложную идею, будто все беды происходят только от лжи, и людям необходимо говорить всю правду, какой бы она ни была горькой. И – вовсе не от пришедшей

ко мне мудрой смелости, а только от плохих нервов – я сказал начальству в глаза, что о нем думаю. Это была совсем маленькая правда. Горькая, как порошок хины.

Начальство искренне-тяжело переживало изреченную мною печальную правду. Осознавало в многомудрой голове, раскаивалось в ранимой легко душе и перестроилось в служебном приказе. В приказе о выдаче мне синекуры – на противоположном берегу Хазарского моря.

Все сразу стало на свои места. Страсти улеглись. Отношения с начальством тут же улучшились, потому что я со своей крошечной злопыхательской правдой сразу уматывал за триста верст, с глаз долой – на зеленый морской горизонт, да и вообще выходил из подчинения – водная прокуратура не подведомственна территориальной.

И жена облегченно-горестно вздохнула – будем теперь женаты, как шахматисты – по переписке.

Мы всегда говорили как бы шутя. Пока не выработалось у меня четкое ощущение, что шутка – это только необходимая прелюдия к ссоре, эмоциональный фон приближающегося скандала. В такие минуты нам иногда удавалось достичь высокой ступени иронии и сарказма...

Я не стал отшучиваться: пускай, мол, лучше как шахматисты, чем как боксеры... А лишь высказал неопределенную надежду: наверное, меня с жильем там как-нибудь устроят?

А она переплавила вязкую надежду в твердокаменную уверенность:

– А как же может быть иначе! Но ты бери только служебную жилплощадь! Не бросать же нашу квартиру здесь...

Мы столько ждали нашу квартиру! В центре! В доме с улучшенной планировкой, встроенными шкафами и приличной прихожей! На всем восточном побережье нет такого дома!

И потом... «Прокурором ведь не назначают на всю жизнь, весь конституционный срок – пять лет. Подумаешь: пять лет! Тыфу!...» Мы оба охотно делали вид, что ничего не произошло в нашей семейной жизни...

– Скоро появится и Осушной... – Хаджинур вернул меня к действительности. – А вон и браконьер! Видите? – Он показал на черную точку впереди. За ней распадалась надвое волна. – Ходил калады проверять... Но нам подходить к нему бесполезно...

– Потому что водоохранное судно?

– Если и лодка пойдет – все равно... – Начальник рыбинспекции тоже поднялся на мостик. – Сразу весь улов полетит за борт... Браконьер к браконьеру никогда не плывет. Если приближается – значит, рыбнадзор!

– Шустро идет. – Хаджинур взял у Русакова бинокль. – И грузоподъемность приличная – восемьсот кэгэ...

– А тысячу не хочешь? – возразил Цаххан.

Вокруг до самого горизонта морское поле было сплошь изрыто бороздами. «Вечная пахота моря...» Слышал ли я эти слова или придумал сам? Тысячи оттенков зеленого и

синего переливались, переходили один в другой. Мы шли по гребням волн. Еще больше появилось водорослей, но они были чуть-чуть другого цвета, чем у побережья.

– Керим встречает нас... – сказал Хаджинур.

Он передал мне бинокль. Я не сразу разглядел песчаную косу и деревянный домик.

– Он действительно прокаженный? – спросил я, возвращая бинокль. – И действительно никогда не выезжает с острова?

– Сейчас ему восемьдесят четыре года, последний раз приезжал на берег лет сорок назад...

– А к врачам?

– Болезнь эта не лечится. И никому уже не опасна, кроме него самого.

– Так и живет один?

– Насколько я помню. Ни жены, никого. Из Кызылсу раз в неделю придет лодка – привезут ему воду, хлеба, иногда овощей. Крупу или консервы. А он им – рыбы, раков. А то браконьеры пожалуют. Он им наживку – кильку, сети чинит. Молчаливый старик, обходительный. Сейчас сами увидите! Стоп! А это кто? – Хаджинур повел биноклем. – Мазут собственнойрожей! Клянусь! В лодке...

– Что за лодка? – вскинулся Цаххан.

– Летняя. С двумя моторами.

– Миша! – Цаххан сорвал с себя куртку, бросил на палубу. – Я размажу его по стене за Сережу! Только не упusti!

– Касумов? – удостоверился я.

– Касумов, – ответил он бодро, даже чуть весело. Браконьер был длиннорук, ловок, с копной жестких черных волос. На нем был изрядно потрепанный армейский бушлат, старую шапку-ушанку он держал в руке.

На вид Мазуту было лет тридцать пять. Он стоял у деревянного помещения с надписью: «Госзаповедник. Застава «Осушной»».

Вчетвером – Мазут, я, Хаджинур и Цаххан – мы вошли в помещение, являвшееся офисом заповедника на этом острове. Внутри было холодно и сыро. В углу топилась плавником печка, от нее наносило сырым дымом, но тепла она давала мало. Его, наверное, все без остатка забирал пузатый закопченный чайник, зло дребезжащий жестяной крышкой. Половину помещения занимал грубо сколоченный стол с двумя длинными лавками.

– Посидите. – Я вышел – Миша Русаков должен был вынести мою папку с протоколами, оставшуюся на мостике.

– Там чай. Я заварил... – Старик прокаженный стоял у трапа – небольшого роста, с тяжелой крупной головой и старческой безысходностью в глазах. Он был похож на Маленького Мука. Рыбацкие сапоги доходили ему едва ли не до груди.

– Спасибо. Попьем вместе.

Он кивнул, но с места не сдвинулся.

– Пожалуйста, Игорь Николаевич. – Капитан Миша Русаков протянул мне папку. Нам было приятно общаться друг с другом, я это быстро установил. – Мы еще не уйдем? Хотел угостить старичка пресной водой. В Баку заправился...

– Пожалуйста. Время есть...

Я проверил содержимое папки, вернулся в помещение. В общей сложности я отсутствовал не более трех минут.

Лицо браконьера заплывало пока еще только розоватым сплошным пятном, верхняя губа была разбита. Цаххан и Хаджинур смотрели куда-то по сторонам, мимо меня. Мазут достал сигарету, он единственный делал вид, что ничего не случилось.

– Что с вами? – задал я бесполезный вопрос. Браконьер не ответил.

– Вот бумага, напишите, что произошло. – Я положил перед Касумовым чистый лист. – Я обещаю дать этому ход...

– Все нормально, гражданин прокурор, – сказал Мазут. – У нас свои дела.

– Это безобразие!

– А стрелять в рыбинспектора – не безобразие? Убить человека! Оставить сирот!.. – жутко закричал вдруг начальник рыбинспекции. – Мы ведь с ними как? «Обнаружив факт нарушения правил... – он кого-то копировал, – я, такой-то...» Будто они стоят – руки по швам! А они ведь стреляют! И не думают нам «представляться»! У-у, гад! На Осушной приплыл! Думал, не найдут!

– Почему это я должен думать, что меня не найдут? – Касумов, за неимением платка, вытер наплывающие синяки меховой опушкой ушанки.

– Оделся по погоде! Куда путь держишь, тварь? – Цаххан Алиев готов был снова броситься, едва сдерживался. – А когда в Сережку Пухова стрелял, тоже в этом был?

– Мне в Сережку Пухрва нечего было стрелять. Если хочешь знать, Пухов мне первый друг стал, после того как я его подобрал у Русаковской банки...

– А из-за кого он туда попал, если не из-за тебя! Забыл? У Касумова погасла сигарета, он вытащил спички. Хаджинур

Орезов зыркнул на спички, потом – на меня.

Это был все такой же коробок с портретом Циолковского – Евтушенко.

– Припекло! – не отставал Алиев. – Лодка и та полна окурков! Смотри, спалишь!.. На чем браконьерствовать будешь?

Бесконечно длинный перечень взаимных претензий напоминал пример математического равенства. Но, в отличие от математики, слагаемые по обе стороны знака равенства здесь взаимно не уничтожались.

– А ты что, поймал меня, Цаххан?

– А то, что ты кукан в тот раз отрезал! Вся рыба на дно пошла... У тебя ведь нож в лодке остался. Весь был в слизи! И фонарь! Я и говорю: не спали!

– Если ты не спалишь, Цаххан Магомедович, – Касумов

деланно засмеялся, чиркнул спичкой, – никто не спалит!

– Бесхозное орудие лова разрешено уничтожать! А что нам с ними делать? На руках тащить? У меня-то машины нет! А оставлю на берегу – вы вернетесь...

– Хватит! – тихо приказал я.

Они замолчали.

Я заполнил форменный бланк и предложил Касумову собственноручно записать полный ответ на мой единственный вопрос: «Где вы находились вечером 23 апреля, в ночь на 24-е и весь день 24 апреля?»

Касумов шапкой осторожно промокнул раны на лице, правое подглазье выглядело к этому времени красно-багровым, тяготеющим к фиолетовым тонам.

Я подумал: «Если бы следователь или оперативный уполномоченный знал, что подозреваемый – вор, грабитель, даже убийца – будет немедленно освобожден из-под стражи, как только будет установлено, что к нему применялись незаконные методы ведения следствия, – никто бы не поднял на него руку».

Мазут взял со стола шариковую ручку и к слову «ответ» приписал: «Где я находился вечером 23 апреля, в ночь на 24-е и весь день 24 апреля, я не помню. Кто убил Пухова, не знаю и никакого касательства к этому не имею. Касумов».

Даже если бы он собственноручно написал, что убил рыбинспектора, признание, полученное после избиения, лишалось доказательной силы.

– А теперь? – спросил он, положив ручку на стол.

– Снимай моторы с лодки, – вскочил со стула Алиев. – Они тебе больше не понадобятся. Поедим – и поедем в Восточнокаспийск, в прокуратуру.

Так, по-видимому, они и работали тут до моего приезда.

– Вы свободны, – сказал я Касумову. – Орезов даст повестку – завтра приедете в водную прокуратуру.

Мазут на секунду окунул лицо в ушанку, убрал ее, взглянул на меня. Хаджинур сунул в руку ему повестку. Не прощаясь, ни на кого не глядя, браконьер прошел к дверям.

Через минуту мы услышали гул спаренных моторов.

– Вот и обед приспел...

Едва Мазут уплыл, Миша Русаков и Керим вошли к нам, я понял, что они слышали наш разговор. Русаков принес с судна завернутые в скатерть буханки хлеба, две банки салаки пряного посола, лук и кулек карамели.

Он и Хаджинур Орезов нарезали хлеба, вспороли банки с консервами.

– Зря вы его отпустили, Игорь Николаевич, – сказал начальник рыбинспекции. – Они теперь договорятся, кому какие дать показания. Вы их не знаете! Нам теперь их вовек не разоблачить...

Мы сидели за длинным, плохо обструганным столом и грели руки о пиалки с мутным чаем.

– Что, Керим? – спросил Цаххан Алиев у старика. – Если бы ты прокурора не боялся, сейчас бы нашлась из заначки

осетрина да икра малосольная...

Старик прокаженный что-то жевал, по-стариковски, задумчиво глядя куда-то в стену. У него была массивная даже для его крупной головы, тяжелая нижняя челюсть. Он, казалось, не присутствовал при разговоре.

– Нельзя было его отпускать... – повторил Алиев.

– Оставьте, – сказал я. – И больше ни слова об этом. Я прокурор, а не костолом...

– Вас вызывают в обком! Первый... – объявила мне Гезель, едва я появился в приемной.

Хаджинур и начальник рыбинспекции, сопровождавшие меня, продолжали в это время разговор, который я искусно направлял, – о женщине, которая могла быть у погибшего рыбинспектора.

– Хорошо, хорошо...

Мы прошли в кабинет. Необходимое для доклада, документы – все было уже подготовлено. Хаджинур и Цаххан Алиев продолжали лениво перепираться. Я взял папку.

– А я видела Пухова с женщиной... – Гезель открыла дверь, ей в приемной было слышно каждое произнесенное нами слово. – С месяц назад. Он разговаривал с Веркой Кулиевой...

– С Веркой?! – удивился Орезов.

– Женой Умара Кулиева. Я с ней училась. Мы и живем рядом.

– Верка Кулиева... – фыркнул начальник рыбинспек-

ции. – Ну и удивила! Да просто она никому проходу не дает. Ни из рыбоохраны, ни из милиции... Думает, Умара спасет! Умар как взял ее в классе шестом, а то и в пятом – девчонкой, она так все и бежит за ним! Сказала тоже – Верка Кулиева...

Гезель смущенно ретировалась.

Мы ушли втроем: Цаххан Алиев, Хаджинур и я. В коридоре я извинился.

– Идите, я сейчас догоню.

– Гезель, – спросил я, возвращаясь в приемную, – ты давно видела жену Умара Кулиева?

– Да нет. Она то тут, то в Москве. Хлопочет за мужа.

– Попроси ее зайти к нам.

– Что?

Она уже отвлеклась – смотрела на меня влажными, полными затаенной надежды на будущее счастье глазами. Время от времени она нас никого не воспринимала, жила своим внутренним миром и его особыми сроками, где конкретные даты все заменены количеством недель и лунных месяцев, а также результатами систематических анализов мочи и крови.

Я вынужден был повторить:

– Мне надо встретиться с женой Умара Кулиева! Гезель улыбнулась испуганно:

– Я понимаю.

Милиционер на входе внимательно посмотрел мое удостоверение и сказал:

– Вас ждут на втором этаже. Комната 201.

Аэродромное величие кабинета. От дверей к столу секретаря обкома вела ковровая дорожка, и она еще более усугубляла ощущение взлетной полосы. Я шел по безграничному паркетно-ореховому простору навстречу почти исчезнувшему за горизонтом хозяину кабинета, невольно убыстряя шаг, как самолет на взлете, и, когда Митрохин встал мне навстречу, я уже не шел, а почти летел в пространстве, преодолев земное тяготение. Мы поздоровались.

– Значит, не успел приехать, а уже серьезное дельце подкинули? – спросил он. – Садись, пожалуйста.

Он не вернулся на свое место, а сел за приставной стол, напротив меня.

Первый был невысок ростом, широк в плечах. Моложавое, с тонкими злыми губами лицо его выглядело озабоченным.

– Это не случайное преступление. – Он поправил очки с чистыми, как капли морской воды, стеклами. – Я бы квалифицировал его как политическое убийство...

Я помолчал.

– Убит старший рыбинспектор при исполнении служебных обязанностей. Это уже второй случай. Перед этим был зверски убит и сожжен Саттар Аббасов... – Он пересказал то, что уже знал. – Думали, там спит начальник рыбинспек-

ции...

Говорил он коротко и емко.

– ...Тут – не курорт. У нас вечно фронтовой город, бьемся с пустыней, бьемся с трудностями климата...

Он говорил, и я видел, как он сам себя распаляет и заводит, и беседа наша с ним была не похожа на реплики двух обсуждающих какой-то важный вопрос людей, а напоминала публичное выступление трибуна.

– ...Диспропорция отраслей местного хозяйства, отдаленные последствия нарушений экологических норм...

Все это были, в общем, до некоторой степени абстрактные понятия. Но дальше Митрохин сказал:

– Браконьеры!.. – И по тому, как он произнес это слово, все сразу встало на свои места.

Дальше разговор пошел уже «без дураков».

Браконьер с его мощными орудиями запрещенного лова был для Митрохина реальным противником из плоти и крови, имел биографию, имя, национальность, социальную и партийную принадлежность, прошлое и будущее. Война с ним была зримой для всех, опасной, кровопролитной и справедливой. С вызовами для докладов на самый верх. Со справками о количестве уголовных дел, рассмотренных в судах. С экспонатами браконьерской техники, демонстрируемыми периодически в ЦК республики, в Москве и других городах на различных активах, семинарах, международных симпозиумах.

Если бы браконьеров не было, их стоило бы выдумать. Но они действительно были! И это подтверждали упомянутые трофейные выставки дорогих быстрых лодок с мощными японскими «Судзуки» и отечественными «Вихрь-30», спаренными и учетверенными; вместительных бензобаков, успевших отслужить срок службы в военной авиации; километрами хищнической снасти, именуемой каладой, несущей на себе тысячи стальных крючьев, изготовленных специальными мастерами-профессионалами.

Прекрасное оправдание пустым полкам магазинов, снижению уловов, низкой производительности предприятий местной промышленности!

– ...Ты не думай, что назначение сюда – это... – Я с трепетом ждал продолжения. Со словом «синекура» у меня уже установились почти интимные отношения, а сама синекура уже имела милые индивидуальные черты, в расцветке ее оперения было даже что-то от японской куртки доктора Мурадовой. Нет, Митрохин не употребил этого слова, и я был ему благодарен. – Это... путевка на отдых. Встреча с браконьером происходит обычно один на один, ночью или на рассвете в глухом месте моря или побережья. Нападение может произойти врасплох или из засады... И браконьер обычно стреляет первым. – Он испытующе посмотрел на меня. – Дети есть у тебя?

– Нет. С этим все в порядке.

«Идеальная жертва для браконьера...» – хотел сказать я,

но промолчал. От многих неприятностей в своей жизни я был бы избавлен, если бы научился не уповать на чувство юмора в собеседнике, не посмеиваться над своими друзьями, а то и просто случайными людьми.

Расстались мы, можно сказать, даже сердечно. Митрохин снова поднялся:

– Во всем рассчитывай на мою поддержку. Желаю успеха.

Я вышел. В приемной на стуле удобно расположился плечистый высокий мужик, в котором я узнал директора заповедника. Он весело беседовал с секретаршей Зоей.

Когда я появился, Зоя сказала ему с невероятно сердечной любезностью:

– Андрей Павлович, подождите минуточку, я должна зайти к Первому, он мне продиктует две бумаги, а потом вы пойдете. Заодно познакомьтесь с новым водным прокурором. – Она показала на меня.

Андрей Павлович протянул мне крепкую мужицкую лапу и сказал мягким густым баритоном:

– Сувалдин...

– Очень приятно. Я собирался ехать к вам знакомиться, и вот встретились случайно.

Сувалдин дождался, пока за секретаршей закрылась дверь, и усмехнулся:

– Думаю, не случайно. У Митрохина в приемной никто никогда случайно не встречается. Да-да... Простоватая

внешность этого человека пусть вас не смущает. Митрохин назначил нас с интервалом в десять минут, чтобы мы встретились. Он выразил таким образом свое расположение нам обоим, объяснил, что мы должны трудиться рука об руку.

– А более открытого способа для этого не существует?

Суваддин засмеялся.

– Он мастер завуалированных идей и естественного течения жизни, которую он искусно организует...

Он очень хорошо смеялся. Его чуть грубоватое лицо смягчалось, в глазах прыгали веселые искорки, и он становился сразу на много лет моложе. Не хотелось думать, что видневшиеся сбоку за креслом костыли принадлежат ему, так же как и лежащие на столе тяжелый бинокль и широкая шляпа.

– Ну что, пострашал он вас браконьерами? – Суваддин поднял театральным жестом руки вверх; – О, браконьер, наемник ночи, работник мглы и рыцарь мрака!

– Вы считаете, что разговор о браконьерах – это шумная демонстрация? – спросил я.

– Ну почему, браконьеры, конечно, тоже безобразничают. Но Первый вас выводит на запасной путь, который не ведет никуда.

– Почему?

– Потому что здесь *все* браконьеры. Когда их выведут, ликвидируют браконьерство, закон восторжествует в пустыне!

– А злостные браконьеры? Убийца Пухова...

Из кабинета Митрохина показалась секретарша:

– Андрей Павлович, вас ждут.

Он машинально нахлобучил шляпу, взялся за костыли.

– Мне кажется, с ними просто не хотят связываться. Возьмите машину и махните вечером вдоль берега, за метеостанцию. К скалам. Только осторожно. Народ там большей частью вооруженный. Могут и в лоб влечь. Даром что – прокурор... В справочнике есть мой телефон. Позвоните вечером. Повидаемся, обсудим все дела-делишки.

– Головной убор, – подсказала ему секретарь.

Сувалдин засмеялся, снял шляпу, тепло и по-приятельски хлопнул меня по спине и проковылял в кабинет Митрохина.

«С двумя людьми познакомился я сегодня... – думал я, спускаясь по широкой, с ковром, заправленным в стальные прутья, тщательно выскобленной обкомовской лестнице. – И какой результат? Один предлагал направить все силы на беспощадную борьбу с браконьерами. Второй сказал, что есть вещи серьезнее...»

Милиционер у выхода молча взял руки по швам, я рассеянно кивнул, занятый своими мыслями.

«Не предостерегали ли они меня оба от каких-то шагов, которые я по незнанию местных условий сразу же, в первые дни, могу совершить?»

А что, если водный прокурор поймет слова секретаря обкома буквально – примется с места в карьер преследовать

браконьеров и сам станет жертвой злоумышленников? Не для того ли, чтобы произвести коррекцию, пригласил Митрохин директора заповедника? Настолько ли Митрохин подталкивал меня к этой борьбе, как мне показалось... Ведь последнее, чем он поинтересовался, было: есть ли у меня дети. И Митрохин, и Сувалдин дали мне понять, что борьба с браконьерами может стоить жизни...

У подъезда меня окликнул начальственного вида мужчина – круглый и спелый, как наливное яблоко. Он снисходительно протянул мясистую руку:

– Зампредисполкома Шалаев... Ты советскую власть уважаешь, прокурор?

– Конечно. – Я развел руками.

– Что-то не заметно. – Он повел толстой шеей. – Облесполком без рыбы сидит. С осетриной неужели никого в последнее время не задержали?

– Нет, по-моему, – сказал я. – Не слышал.

– Видимо, мимо тебя проплывает, – посетовал он. – И икорка, и красная рыбка... Я знаю: в восьмой магазин сдали вчера на Шаумяна. Ты смотри, не давай отстранить себя от кормушки...

– А кто сдал?

– Это ты должен знать, – зампред засмеялся. – Кто у нас водный прокурор? Ты или я? Ты отвечаешь за борьбу с браконьерами – ты и смотри!

Вернувшись в прокуратуру, я первым делом вызвал к

себе старшего оперуполномоченного Хаджинура Орезова. Несмотря на случившееся с Мазутом, я не испытывал к нему антипатии. А случившееся утром должно было послужить ему уроком.

– Срочных дел нет? – спросил я.

– Нет. А что?

– Хочу прокатиться. Взглянуть на окрестности. Компанию составите?

– Конечно.

– Я позвоню.

В приемной у меня никого не было, кроме Гезель. Проводив Хаджинура, я спросил:

– Ты не найдешь мне копию приговора на Умара Кулиева? Ее, по-моему, в свое время рассылали по всем прокуратурам для сведения.

Она кивнула.

– Сейчас посмотрю.

Через несколько минут я уже держал перед собой несколько страниц тонкой папиросной бумаги – серых, плохо пропечатанных.

Фабула преступления была банальна, а злоумышленник действовал удручающе-примитивно.

«...Встретив на берегу райгосрыбинспектора рыбоохраны 7-го района Цаххана Алиева, подсудимый Умар Кулиев потребовал от него не препятствовать ему в ловле рыб осетровых пород, угрожая в противном случае с ним «разобрать-

ся»...» – начало.

И финал:

«...В ночь на 22 октября того же года, увидев на стоянке у Восточнокаспийской морской инспекции рыбоохраны машину, принадлежащую Цаххану Алиеву, и придя к выводу о том, что тот ночует в помещении, с целью осуществления угрозы произвел поджог здания, в результате чего погиб находившийся внутри младший рыбинспектор Саттар Аббасов...»

Мне показалось, где-то в середине приговора мелькнула знакомая фамилия.

Действительно, несколькими строчками выше я нашел.

«...Кроме того, – указывалось в приговоре, – вечером того же 21 октября Умар Кулиев пытался поджечь сарай с рыболовной снастью («козлятник») в районе метеостанции, принадлежащий гр. Касумову. Но оказавшимся поблизости от места пожара гр. Касумову К. и Ветлугину А. удалось его потушить...»

«Темный лес... – подумал я. – Полная нелогичность. – Фамилию Ветлугин я тем не менее выписал. – Стоит вызвать, поговорить...»

Я снова вернулся в конец.

«...Кулиев Умар вину в совершенном преступлении признал. Кроме признания подсудимого – его вина доказывается...»

Дальше перечислялись доказательства. Результативная

часть приговора была сформулирована коряво: подсудимому сначала определили наказание за более тяжелое преступление – убийство рыбинспектора – расстрел, затем за поджог – лишение свободы сроком семь лет...

«...Окончательным наказанием считать – с конфискацией автомашины «Москвич»-2140 № 26-43 высшую меру наказания – расстрел...»

Возникшая у меня версия о том, что Пухов оказался накануне гибели вместе с Верой Кулиевой, потому что был как-то связан с ее мужем, не нашла подтверждения в приговоре. Фамилия Сергея ни разу не упоминалась на сереньких, с убористым мелким шрифтом, страничках.

На этом берегу темнело тоже рано и сразу. Почти одновременно.

Когда мы выезжали со двора прокуратуры, было еще светло. С бесчисленных балконов жилого дома, где мы обитали, доносились голоса телевизионных дикторов, крики детей.

Я посадил Хаджинура за руль. Он вел машину спокойно, худые, сильные руки крепко держали управление.

– Фиолетова, Чапаева... – объявлял он незнакомые мне названия улиц. – Азизяна, Джапаридзе...

Между каменными домами шли кирпичные связки – называть их заборами было как-то неудобно – по силуэту что-то вроде римских акведуков, только без желоба сверху и значительно уменьшенные. Отверстия в них закрывали виноград-

ные лозы.

Мы выехали на пустынную террасу. Она шла вдоль берега, покрытого ракушечником. Встречного движения не было вовсе.

– Бензина выписывают на два часа в день, – проворчал Хаджинур. – А что такое два часа по этой дороге? День поездишь, три дня на приколе.

– Как чумы... – Я показал на видневшиеся впереди сараи – «козлятники».

– Их полно тут, – тотчас отозвался Орезов. – Подсобки. Хозяева – кто крабами промышляет, кто чем. А если рыбинспекция спит, может и каладу там держать... Запросто!

Несколько раз Хаджинур останавливался, глушил мотор – мы оба выходили, прислушивались. На море был полный штиль. Я не слышал ни одного звука.

В одном месте Орезов неожиданно резко затормозил, убрал свет.

– Вон там вроде. Фонарь... – Мы вышли. Он долго смотрел в бинокль, потом передал его мне. – Машины...

– Ничего не вижу. – Я покрутил бинокль.

– На звезду – и ниже. Видите?

– Кажется, вижу.

– Ну, они-то нас наверняка еще раньше заметили. У них специальный человек с биноклем следит за дорогой... Это посредники. Приезжали за рыбой. Теперь начнут разбегаться.

– По трассе?

– Как выйдет. Могут и целиной махнуть.

Несколько точек быстро перемещалось в линзе бинокля.

– Как они обычно объясняют свое присутствие здесь?

– Как? – спросил Хаджинур. – А никак. Йода в организме не хватает. Приехали подышать морским воздухом. Или проверяли ходовые части механизма...

– Надо переписать номера машин.

Хаджинур серьезно сказал:

– Да я их и так всех знаю. Вот подъедут ближе – каждого назову.

Теперь уже и без бинокля был виден ползший вдоль берега легковой транспорт. Машин» было не менее шести, в том числе и мощный «КраЗ». Часть их направилась в сторону барханов, в пески. Две повернули в нашу сторону.

Впереди шла «Волга» бежевого света. Вскоре я услышал усиленную мощной стереофонической системой эстрадную мелодию. Одно время на том берегу запись эта была весьма популярной.

Бодрая музыка резко контрастировала с окружающей нас скучной местностью – с невысокими, похожими друг на друга, как черепахи, уползавшие за горизонт, песчаными барханами.

– Ну-ка, остановите! – приказал я старшему оперу и, прежде, чем Хаджинур полностью затормозил, выпрыгнул на дорогу.

«Волга» замедлила ход, я перешел на другую сторону, поднял руку. Хаджинур тем временем заглушил мотор и тоже вышел из машины. Это решило исход – «Волга» встала: работника милиции знали.

– Прокурор бассейновой прокуратуры участка, – представился я, подходя к стеклу водителя. – С кем говорю?

Лысый, приземистый толстяк, сидевший за рулем, вырубил магнитофон, показался из машины. Внешность его была заурядной – усы подковой, выбритый подбородок, мясистые щеки.

Словно не доверяя мне, он обратил взор на старшего опера.

– Это прокурор Восточнокаспийской водной прокуратуры... – подтвердил Хаджинур.

– Ваша фамилия? Кто вы? – спросил я. – Куда ездили?

– Вы новый прокурор? – До него наконец дошло. – Я – Вахидов, работаю в отделе снабжения сажевого комбината... – Он посмотрел на меня. – Я здесь по указанию Кудреватых... Он в курсе.

Я не спросил, кто такой Кудреватых, заметив, что Орезов реагирует с вниманием и даже почтительностью.

– Все согласовано... – заверил Вахидов.

Другие «одители машин, поняв, что произошло, съехали с трассы и теперь объезжали нас через пустыню.

– Вы тут новый человек, наших дел не знаете... – Вахидов смотрел на меня с сочувствием. – Условия работы на

комбинате трудные, поставлена задача дать людям прибавку к столу... В первую очередь – витамины. – Он пригласил усы. – Человек, ежедневно употребляющий рыбу, имеет меньше шансов получить такие болезни, как стенокардия, язва желудка, остеохондроз. Если помните, раньше каждому ребенку в детском саду давали пить рыбий жир! Ежедневно!..

– Объясните механизм добывания витаминов... – прервал я.

– По официальным каналам многое запрещено, но...

– Откройте багажник, – предложил я.

Вахидов посмотрел на меня как на человека совершенно безнадёжного:

– Я же объяснил: все в курсе!

– И все-таки покажите багажник...

Последняя машина, съехав с трассы, была уже далеко позади нас, когда Вахидов, побурчав еще для видимости, открыл багажник. В нем ничего не было.

Снабженец перехитрил меня.

– Можете ехать, – сказал я. – Извините.

– Ничего. – Он с трудом удерживался, чтобы не засмеяться. Я представлял, что он будет говорить за моей спиной. – На то мы и организация, ведающая рабочим снабжением. – Он включил зажигание. – Народ надо кормить! Пока!

– Теперь пойдут разговоры... – заметил Хаджинур, когда мы отъехали. – Восточнокаспийск – город небольшой.

– Кто такой Кудреватых?

– Крупная фигура. Герой Социалистического Труда. Депутат. Директор сажевого комбината... Он обязательно вступится за своего снабженца... – Мы ехали быстро. Монолог старшего опера растянулся на несколько километров. – Дело в другом. Случай этот с Вахидовым поставил вас на какую-то позицию... Понимаете? Теперь все друзья Кудреватых, даже если они вас не знают, – ваши враги...

– Еще ничего не совершив, мы попали в большие заботы, – пошутил я.

– Начнут говорить: «Новая метла!»

Мы проехали еще с десятков километров, никого больше не встретив, не увидев ничего, кроме темных, окруженных заборами «козлятников», разбросанных по берегу. Уже собравшись развернуться, мы увидели впереди пламя костра.

– Лодка горит, – сказал Хаджинур.

Отблески костра взбегали на барханы, стоило огню вспыхнуть

чуть ярче, и снова сжимались, подвижные, как меха гармони.

– Рыбнадзор обнаружил браконьерскую лодку, а увезти не смог, – объяснил Хаджинур. – Слишком тяжела. Поэтому сожгли и составили акт...

«Умар Кулиев пытался сжечь «козлятник» Касумова, – вспомнил я приговор. – Но его хозяин и находившийся поблизости А. Ветлугин погасили пожар».

– У Мазута есть связь, – сказал я. – Некто А. Ветлугин. Что-нибудь известно о таком?

– Сашка Ветлугин? Он же утонул.

Мне снова не повезло.

– Давно?

– Примерно в то же время, когда сожгли Саттара Аббасова. Второй год уже!

Когда мы подъехали, лодка догорала. Судя по остаткам костра, в ней было не менее шести метров, моторы были предварительно сняты. Запах бензина свидетельствовал о том, что лодку, прежде чем поджечь, обильно полили горючим. На песке виднелись рифленные следы сапог. Никого из инспекторов рыбнадзора, совершивших акцию, на берегу уже не было.

Высадив Орезова у дежурной части, я понял, что способен только на одно человеческое чувство – чувство острого голода. Кроме того, мне надо было позвонить домой.

Я сыграл отбой, забрал документы и ключи от нашей «Нивы» и покатил на морской вокзал. Там, в зале ожидания, были установлены телефонные аппараты междугородной связи. Удивительной формы белые пластмассовые яйца висели на стенах, внутри которых был вмонтирован телефонный аппарат. Над яйцами были надписи:

«Баку», «Красноводск», «Ашхабад», «Москва».

Люди, которые звонили по телефону, были похожи на до-

исторических животных, которые выползали из этих гигантских яиц и, посмотревши на неуютный и неприятный мир, снова лезли обратно. Они втискивались под овальное пластмассовое прикрытие яйца, крича «алле! алле!», будто пытались докричаться до первородной причины, вытолкнувшей их в неприветливый мир.

Я дождался своей очереди, опустил монетки, набрал междугородный код и сразу же соединился с женой.

– Как жизнь, покоритель заморских территорий? – сказала она весело, зло.

– С утра до вечера страдаю из-за того, что ты грустишь обо мне, – ответил я, стараясь поддержать наш обычный шуточно-пикировочный тон.

– Давай разделим наши занятия, – предложила она деловито, – я буду страдать, а ты пока что обустраивай наши дела, если тебя они еще волнуют...

– Хорошо, – послушно согласился я. – К тебе никто не заходил из моих бывших коллег?

– Нет, – удивилась она. – А зачем?

– Так. Ни за чем. Если зайдут, скажи, что я действительно нашел здесь синекуру, только она какая-то странная... Катаюсь как сыр в масле...

Жена помолчала минуту, полагая, что это какой-то шифр, направленный на ущемление ее интересов, и нерешительно сказала:

– Хорошо, передам. А мне ты ничего не хочешь передать?

– А что тебе, Леночка, передавать? – сказал я. – Тут жизнь замечательная, но, по-моему, пока что не для тебя.

– А что?

– Да... как тебе сказать? Жилья пока нет. Развлечений не существует. В магазинах – «пустыня Калахари». Видимо, придется повременить с обустройством нашего быта.

– Ладно, ладно! Не жалуйся, – сказала Лена бодрячески. – Ты, наверное, стараешься не как следует?

– Я стараюсь как следует, – возразил я, – только результатов пока не видеть.

– Больно скоро хочешь...

– Запиши номера моих служебных телефонов.

– А домашний? Я хочу звонить тебе домой.

– Домашнего у меня пока нет.

Лена даже замолчала.

– У прокурора нет домашнего телефона?

– Нет. Пока нет.

– Ну и дела, – вздохнула она. – А если ты срочно понадобишься?

– Наверное, пришлют посыльного.

– Хорошо, видимо, ты там живешь, – усмехнулась Лена. – Ладно, жду от тебя вестей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.